

**РЕАЛИЗАЦИЯ «ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЬ» В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ (О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЛЯ ЗАЩИТЫ
ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, В ТОМ
ЧИСЛЕ В СУДЕ, ЧЕРЕЗ «ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МОРАЛИ», В
РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Я. И. Функ

*доктор юридических наук, профессор, Председатель Международного
арбитражного суда при БелТПП,
funk25@mail.ru*

А. Я. Чигилейчик-Функ

*юрисконсульт ООО «ПримГрад»,
mr.arseniy0027@mail.ru*

В основе любой правовой системы должны лежать морально-этические принципы (основания).

При этом, право и мораль (нравственность) рассматриваются, по общему правилу, как самостоятельные регуляторы соответствующих общественных отношений, то есть каждая из указанных систем действует на основе своих норм (правил) и использует свои методы воздействия.

Однако, наряду с указанными «параллельными действиями» норм (правил) права и морали, в гражданском законодательстве Республике Беларусь присутствует и «прямое включение» норм морали в правовую систему.

Ключевые слова: «принцип эстоппель», право и мораль, морально-этические принципы, регулятор общественных отношений, намерение причинить вред, злоупотребление правом.

В основе любой правовой системы должны лежать морально-этические принципы (основания).

При этом, право и мораль (нравственность) рассматриваются, по общему правилу, как самостоятельные регуляторы соответствующих общественных отношений, то есть каждая из указанных систем действует на основе своих норм (правил) и использует свои методы воздействия.

Однако, наряду с указанными «параллельными действиями» норм (правил) права и морали, в гражданском законодательстве Республике Беларусь присутствует и «прямое включение» норм морали в правовую систему, в частности, через закрепленный в статье 2 ГК Республики Беларусь принцип добросовестности и разумности участников имущественного оборота и предусмотренный в статье 9 ГК Республики Беларусь отказ судом лицу в защите принадлежащего ему права, в случае совершения таким лицом действий исключительно с намерением причинить вред другому лицу или злоупотребления правом в иных формах.

При этом, законодатель Республики Беларусь не перечисляет, хотя бы даже примерно формы злоупотребления правом «запрещаемые» законодательством Республики Беларусь.

Последнее, по нашему мнению, позволило бы действительному применению негативных правовых последствий при нарушении определенных моральных норм (правил) – однако этого нет.

Иные же правовые системы «более детально подходят» к интересующему нас явлению.

Так, одной из возможных форм противодействия злоупотребления правом является выработанный англо-саксонским правом принцип «эстоппель»

(который хотя «не поименован» в настоящее время в белорусском гражданском праве, но «может поддерживаться» правом посредством применения статьей 2 и 9 ГК Республики Беларусь).

Суть указанного принципа заключается в том, что участник имущественного оборота не может изменять свое поведение в рамках такого оборота с целью получения преимуществ и «дополнительного имущественного предоставления (удовлетворения)».

Иными словами, эстоппель (от англ. «estop» – *лишать права выдвигать возражения*) основан на том, что право не должно давать возможность лицу, получать «имущественные привилегии» в связи со своим недобросовестным поведением.

В связи с указанным нельзя не отметить, что в последнее время белорусское право стало все больше имплементировать нормы различных правовых систем.

В свете этой тенденции нельзя не отметить, что принцип «эстоппель» «нашел свое отражение» в принятом Палатой представителей в первом и во втором чтении (22.12.2021 и 11.10.2023 соответственно) и одобренном Советом Республики (25.10.2023) Законе Республики Беларусь «Об изменении кодексов», который в 1 статье содержит обширные изменения Гражданского кодекса Республики Беларусь, среди которых присутствуют и нормы, реализующие принцип «эстоппель» напрямую.

В частности:

1. сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли (*проект пункта 3 статьи 167 ГК Республики Беларусь*);

2. заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после совершения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (*проект пункта 4 статьи 167 ГК Республики Беларусь*);

3. сторона, которая приняла от другой стороны исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству, и применения последствий его недействительности либо признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 174, 179 и 180 ГК, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны (*проект пункта 2 статьи 401-1 ГК Республики Беларусь*);

4. сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, либо иным образом подтвердившая действие такого договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности и

разумности участников гражданских правоотношений (*проект пункта 3 статьи 402 ГК Республики Беларусь*);

5. в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается (*проект пункта 3 статьи 420-1 ГК Республики Беларусь*).

В связи с изложенным нельзя не отметить, что как только Закон «Об изменении кодексов» вступит в силу, принцип «эстоппель» начнет активно применяться для защиты интересов физических и юридических лиц, в том числе в суде (в настоящее время, белорусские суды, в том числе, и суды, рассматривающие экономические споры, «неохотно» применяют ст.ст. 2 и 9 ГК Республики Беларусь для защиты имущественных прав и интересов участников имущественного оборота, ссылаясь, как правило, на то, что в ГК Республики Беларусь не содержится перечня форм и иных разъяснений существа злоупотребления гражданским правом).

При этом, для надлежащего применения указанного принципа необходимо будет на формирование «точной» судебной практики его применения;

что, конечно же, сделать будет достаточно сложно учитывая морально-нравственную основу применения указанного принципа (которая «не столь точна», как правовая норма);

иными словами, «оценочный характер» соответствующего правового явления.

В этой связи для «начала» формирования подхода к «практическому применению» рассматриваемого принципа приведем несколько примеров из судебной практики наших ближайших соседей – Российской Федерации, учитывая то, что:

с одной стороны, система гражданского права России восприняла принцип «эстоппель» еще в 2013 году, а раз так, то выработала определенные подходы к его применению;

с другой стороны, национальный белорусский законодатель (если судить по проекту Закона «Об изменении кодексов») имплементировал принцип «эстоппель» не из правовой системы государства англо-саксонской

правовой семьи, а из ГК РФ, причем во многом «буквально», то есть не изменив «даже запятую», правда, лишь в некоторых нормах, по сравнению с регламентацией соответствующих отношений в данном Кодексе.

Итак, в качестве примеров использования принципа «эстоппель» в российской судебной практике, укажем на следующее.

(А) Так одно общество с ограниченной ответственностью подало заявление о признании недействительными договора аренды и договора купли-продажи, только после того, как арбитражный суд принял решение о взыскании с него в пользу местной администрации задолженности по арендной плате, выкупным платежам, пене и обращении взыскания на заложенное в силу закона помещение.

При этом, указанное общество с ограниченной ответственностью изначально знало, что не является правопреемником того субъекта, который имел указанную выше задолженность по арендной плате.

Кроме того, рассматриваемое общество с ограниченной ответственностью до судебного решения обращалось в местную администрацию с заявлением о замене арендатора в договоре аренды, а в последующем с заявлением о выкупе помещения, предоставив при этом недостоверные сведения о своем правопреемнике.

Мало этого, описываемое общество также на протяжении длительного периода времени вносила арендную плату за помещение, что не давало никаких оснований местной администрации, думать о недействительности указанных сделок.

На основании изложенного суды первой и кассационной инстанций указав на недобросовестное поведение общества с ограниченной ответственностью отказали в удовлетворении его требований на основании пункта 5 статьи 166 ГК РФ, в силу которого заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (*см. по этому поводу, в частности, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.06.2018 N Ф07-6222/2018 по делу N А26-4947/2017*).

(Б) Акционерное общество (являвшееся лизингополучателем) обратилось в суд с иском о признании недействительным договора лизинга, заключенного с другим акционерным обществом (лизингодателем);

наряду с признанием недействительным договора лизинга истец требовал также применить последствия недействительности данного договора в виде возврата истцу уплаченных им лизинговых платежей в полном объеме, с обязательством истца возратить ответчику предмет лизинга.

Требование о признании недействительным договора лизинга было основано на том, что устав истца, по мнению истца, содержал ограничение генерального директора истца по совершению договора лизинга в виде обязательного наличия одобрения такого договора со стороны совета директоров истца;

указанное одобрение отсутствовало;

исходя из чего истец делал вывод о недействительности договора лизинга в связи с выходом генерального директора истца за пределы предоставленных ему полномочий.

Однако, арбитражный суд отказал полностью в удовлетворении требований истца, положив в основу своего решения следующие обстоятельства:

во-первых, суд указал на неясность положений устав истца, из которых однозначно не следует приведенная выше компетенция совета директоров истца;

при этом, в законодательстве Российской Федерации, отсутствует требование об отнесении рассматриваемой сделки к компетенции совета директоров акционерного общества;

во-вторых, суд отметил, что до заключения договора лизинга ответчик на свое предложение об отсутствии у генерального директора истца «корпоративных ограничений» по заключению договора лизинга получил заверение о том, что таких «корпоративных ограничений» нет;

и, наконец, в-третьих, суд со ссылкой на пункт 2 статьи 431.1 ГК Российской Федерации, из которого следует, что:

сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое

обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 173, 178 и 179 ГК Российской Федерации, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны;

указал на то, что истец осуществлял исполнение обязательств по договору лизинга, в виде перечисления ответчику 6 лизинговых платежей;

а раз так, то истец утратил право требовать признания договора лизинга недействительным (с.м., по этому поводу, в частности, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2017 № 13АП-31997/2016 по делу № А56-35361/2016).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Чжао Жуйсинь

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
919667945zkk@gmail.com*

В данной статье рассматривается правовое регулирование иностранных инвестиций в Китайской Народной Республике с акцентом на Закон о иностранных инвестициях. Автор анализирует важные аспекты этого закона, включая определение «иностраннх инвестиций», систему негативных списков и проверку безопасности. В статье выявлены проблемы в законодательстве и предложены пути их преодоления, чтобы создать более стабильное и прозрачное правовое регулирование для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: инвестиции, иностранные инвестиции, национальная безопасность, инвестиционная политика, прозрачность правовой среды, регулирование инвестиций.

Обеспечение стратегических экономических интересов Республики Беларусь требует совершенствования государственной инвестиционной